

Ф. УШАКОВЪ.

ПСКОВСКІЙ ГОРОДЕЦЪ И МИРОЖЪ,

КАКЪ МѢСТА ПЕРВЫХЪ ПСКОВСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.

Напечатано по распоряжению Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Псковскій Городецъ и Мирожь, какъ мѣста первыхъ псковскихъ поселеній *).

Когда и кѣмъ былъ основанъ г. Псковъ, въ лѣтописяхъ не упоминается. Псковскій лѣтописецъ подъ 862 годомъ говоритъ объ этомъ такъ: „о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомнито, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, яко бысть уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братією изъ Варягъ въ Словене княжити“. Затѣмъ начальный лѣтописецъ даетъ слѣдующія указанія о Псковѣ X вѣка: рассказывая о женитьбѣ Игоря, говоритъ: „и приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Ольгу“; передавая исторію княженія Ольги, упоминаетъ, что она ходила къ Новгороду, къ Лугѣ, вездѣ уставляла дани и погосты, знаменовавшіе ея пребываніе, причемъ указываетъ на сани Ольги, находившіяся во времена лѣтописца во Псковѣ, какъ на доказательство или памятникъ пребыванія ея въ этихъ мѣстахъ. Вотъ какими данными ограничиваются лѣтописныя свѣдѣнія о дохристіанскомъ Псковѣ. Болѣе опредѣленные свѣдѣнія о Псковѣ временъ Ольги передаетъ Степенная книга. Правда, что составленіе этого историческаго памятника относится уже къ Московскому періоду, и изъ какихъ источниковъ почерпнуты составителемъ его свѣдѣнія о Псковѣ, не извѣстно; но любопытно, что передавая сказанія о св. Ольгѣ, авторъ, между прочимъ, прямо указываетъ, что „посла св. Ольга много злата на Плескову рѣку, на созданіе церкви Св. Троицы, идѣже трисятельные, Божественные лучи свѣтоявленія видѣ. Послѣди же ту градъ великъ Псковъ поставленъ бысть“. Такимъ образомъ Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что онъ „увѣдѣхомъ“, т.-е. узналъ, что Псковъ уже существовалъ при первыхъ князьяхъ варягахъ, а составитель Степенной книги какъ бы приписываетъ основаніе его св. Ольгѣ. Это про-

*) Изъ доклада въ засѣданіи Псковскаго Археологическаго Общества въ маѣ 1897 года.

творѣчіе лѣтописныхъ данныхъ со Степенною книгою повело къ тому, что послѣдующіе историки, касаясь судебъ Пскова, въ вопросѣ объ основаніи его—одни (Гизель, Щербатовъ, Ломоносовъ, Шлёцеръ, Карамзинъ, Полевой и И. Е. Забѣлинъ) придерживаются лѣтописи, а другіе (Татищевъ, Глинка, Хилковъ, Ильинскій и особенно митрополитъ Евгеній) буквально принимаютъ сказаніе Степенной книги и, считая Псковъ основаннымъ св. Ольгой, полагаютъ, что до прихода ея на берега р. Великой Пскова не существовало. Кромѣ того, позднѣйшіе изслѣдователи мѣстной старины, г. Иваницкій и іеромонахъ Іосифъ, подвергли подробному разбору вопросъ о томъ, что больше заслуживаетъ довѣрія—лѣтописи псковскія, или Степенная книга—въ свѣдѣніяхъ о времени основанія Пскова и каждый изъ нихъ защищалъ справедливость излюбленнаго документа, не стараясь связать въ одно и тотъ, и другой, какъ взаимно дополняющіе другъ друга.

Не принимая на себя непосильной задачи рѣшить ученый споръ, не рѣшенный многими авторитетными учеными, я задаюсь скромною цѣлью познакомить читателей, любителей псковской старины, съ такими фактами и лѣтописными намеками, которые или не могли быть знакомы ни одному изъ упомянутыхъ выше ученыхъ, или же ускользнули отъ ихъ вниманія за массою матеріала, и на основаніи этого, исключительно съ цѣлью родиновѣдѣнія, попытаюсь еще разъ уяснить себѣ вопросъ о томъ, что представлялъ собою Псковъ до призванія варяжскихъ князей и, если тогда существовалъ, то въ какомъ видѣ?

Н. И. Раевскій въ бытность свою членомъ Псковскаго Археологическаго Общества, говоря въ одномъ изъ засѣданій Общества по поводу исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, заявилъ слѣдующее: „Никто изъ ученыхъ, развѣ митрополитъ Евгеній, не занимался псковской исторіей ради интереса отчизновѣдѣнія. Вслѣдствіе этого, во всѣхъ трудахъ ученыхъ, задававшихся исторіею Пскова, несомнѣнно, весьма серьезныхъ, есть всегда извѣстная доля пренебреженія къ частностямъ, потому что онѣ не входятъ въ заранѣе устроенную рамку, не нужны для предположенной цѣли и т. д. Весьма важно, продолжалъ лекторъ, пересмотрѣть тотъ же матеріалъ, который былъ въ рукахъ ученыхъ, но сдѣлать это чисто въ интересахъ родиновѣдѣнія“. Ободряемый, такъ сказать, этимъ заявленіемъ одного изъ бывшихъ дѣятельнѣйшихъ членовъ нашего Археологическаго Общества, я позволю себѣ приступить къ сообщенію тѣхъ фактовъ, которые, по моему мнѣнію, могутъ служить до нѣкоторой степени къ освѣщенію исторіи Пскова.

Въ 1885 году, при спланировкѣ двора псковской земской боль-

ницы была найдена случайно довольно большая коллекція старинныхъ бронзовыхъ украшеній, по типу своему значительно сходныхъ съ вещами, вырытыми въ Люцинскомъ могильникѣ, Витебской губерніи, г. Романовымъ. Затѣмъ, въ лагеряхъ Псковскаго кадетскаго корпуса, расположенныхъ, какъ извѣстно, неподалеку отъ этой больницы, въ 1888 году былъ вырытъ камень съ высѣченными изображеніями двухъ молотовъ, несомнѣнно представляющій собою могильный памятникъ. Наконецъ, на западномъ скатѣ такъ называемой Романовой горки, у самой подошвы ея, гдѣ нынѣ находится Дворянское собраніе съ дворянскимъ домомъ, вмѣщающимъ общественное собраніе, тоже найдены были, во дворѣ послѣдняго, металлическія украшенія при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 18 марта 1881 года, при рытѣ ямы для ледника собранія, на двухъаршинной глубинѣ, въ песчаномъ грунтѣ, по обокъ большого камня были найдены серебряныя, 58 пробы, и бронзовыя вещи, какъ-то: шейныя гривны, фибулы, пряжки, поясныя кольца, перстни и т. п. Вещи эти находились въ глиняномъ горшкѣ, который отъ удара по немъ заступомъ разбился и, вѣроятно, поэтому не консервированъ въ черепкахъ. Были ли при этомъ находимы около горшка и вообще на раскапываемомъ мѣстѣ человѣческія кости, свѣдѣній тоже не имѣется. находка была вполне случайной и никто, по видимому, изъ членовъ Псковскаго Археологическаго Общества при раскопкѣ не присутствовалъ.

Всѣ упомянутыя вещи отъ трехъ вышеозначенныхъ находокъ состоятъ нынѣ въ музеѣ Псковскаго Археологическаго Общества.

Эти находки по характеру содержимаго и по мѣстностямъ, на которыхъ онѣ были найдены, убѣждаютъ насъ, что онѣ положены не случайно, а съ опредѣленной цѣлью и на выбранныхъ мѣстахъ. Дѣйствительно, первые два факта находокъ даютъ право заключить, что дворъ псковской земской больницы представлялъ собою могильникъ а въ лагеряхъ Псковскаго кадетскаго корпуса былъ когда-то курганъ, или отдѣльная могила, на которой, какъ надгробная плита лежалъ камень съ высѣченными на немъ изображеніями молотовъ. Кромѣ того, первый фактъ убѣждаетъ насъ, что по близости отъ этого могильника должно было находиться какое-нибудь поселеніе, жители котораго оставили намъ, какъ памятники своей культуры, бронзовыя украшенія. Гдѣ же можно искать поселеніе, которому принадлежали эти вещи, и къ какому племени оно могло принадлежать?

Графъ Уваровъ, производившій въ 1851—1854 годахъ раскопки въ Суздальской и Ростовской областяхъ, гдѣ жило финское племя

мера, раскопалъ 7729 кургановъ, приче́мъ въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣтилъ монеты VIII вѣка. Отчетъ объ этихъ работахъ обнародованъ не только съ детальнымъ описаніемъ каждой найденной вещи, но и впервые, кажется, иллюстрированъ снимками съ этихъ вещей. По почину графа Уварова послѣдующія изслѣдованія о болѣе или менѣе значительныхъ археологическихъ раскопкахъ, тоже были снабжаемы превосходными альбомами, каковы, напримѣръ, работы Н. Бранденбурга „О курганахъ въ южномъ Приладожьѣ“, А. Спицына „Курганы С.-Петербургской губерніи“, Г. Романова „Люцинскій могильникъ“ (Витебской губерніи) и Балтійскаго Археологическаго Общества „О курганахъ Прибалтійскихъ губерній“, вещи коихъ составили богатую коллекцію бронзоваго періода на выставкѣ X археологическаго съѣзда въ г. Ригѣ, и т. д. Судя по этимъ рисункамъ, большинство вещей, найденныхъ на дворѣ псковской земской больницы, по типу своему подходятъ, какъ я уже сказалъ выше, къ вещамъ Люцинскаго могильника, хотя и съ вещами, найденными Л. К. Ивановскимъ въ Петербургской губ., они весьма сходны. Вещи же, найденныя на дворѣ псковскаго общественнаго собранія, по металлу совершенно отличаются отъ вещей, вырытыхъ на дворѣ псковской земской больницы, а по типу болѣе подходятъ къ вещамъ южнаго Приладожья.

Раскопки, произведенныя въ 1879 году въ присутствіи Высокаго Покровителя нашего Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, кургановъ близъ д. Мозговичей показали, что эти курганы не содержали въ себѣ бронзовыхъ украшеній и, судя по историческимъ даннымъ, принадлежали славянскому племени¹⁾. Такъ какъ племена мери, а также ладожской и прибалтійской чуди принадлежали къ народамъ финскаго происхожденія, то нужно полагать, что вещи, найденныя во дворѣ псковской земской больницы, сходныя вообще съ вещами эстонскими, принадлежали не славянамъ, а чуди, какъ болѣе древнимъ обитателямъ Псковской страны.

Если это такъ, то гдѣ же можно искать поселеніе, которому принадлежали эти украшения?

Извѣстно, что еще въ 1156 году преподобнымъ Нифонтомъ, владыкой новгородскимъ, на берегу р. Мирожь былъ основанъ монастырь Спасо-Преображенскій, на занимаемомъ имъ нынѣ мѣстѣ, на Завеличѣ, вблизи отъ упомянутаго выше двора псковской земской больницы, гдѣ

¹⁾ Соколовъ, «Журналъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ присутствіи Его Имп. Высоч. Вел. Кн. Сергія Александровича».

найлены были бронзовыя украшенія. Есть преданіе о томъ, что первое заселеніе Пскова было именно около этого монастыря, и что блаженная Ольга останавливалась на этомъ мѣстѣ.

Уже столь раннее занятіе мѣста подъ монастырь. вдали отъ г. Пскова, безъ всякой защиты отъ непріятельскихъ нападений, показываетъ, что берега р. Мирожь были съ давнихъ поръ заняты населеніемъ, которое или весьма неввраждебно относились къ новой, еще такъ недавно проповѣданной христіанской религіи, или же легко уступило свои насиженные мѣста кривичамъ. Кромѣ того, естественный ходъ историческаго расселенія народовъ убѣждаетъ, что славяне, распространяясь на сѣверъ и сѣверо-западъ къ Балтійскому морю изъ Смоленска и Новгорода, вначалѣ должны были занять верховья рѣкъ, а затѣмъ уже постепенно врѣзались вглубь страны. При такихъ обстоятельствахъ весьма вѣроятно, что устье р. Мирожь было занято ими ранѣе, чѣмъ устье р. Псковы, и что мѣстность у р. Мирожь, уже издавна облюбованная какимъ-то чудскимъ населеніемъ, которое оставило намъ свои курганы, а въ нихъ бронзовыя украшенія, представляла собою одно изъ первыхъ славянскихъ поселеній близъ Пскова и, по всей вѣроятности, болѣе древнее, чѣмъ даже самый Псковъ. Теперь посмотримъ, что могла представлять собою въ VIII и IX вѣкахъ мѣстность, занимаемая нынѣшнимъ г. Псковомъ, т.-е., какова могла быть топографія того трехъугольника земли, который образуется при сліяніи рр. Великой и Псковы.

Самый конецъ, если такъ можно выразиться, полуострова, образуемаго упомянутыми рѣками, представлялъ собою каменную изъ дикой плиты скалу, съ острымъ угломъ, въ растворѣ не болѣе 30°, расположенную съ С.-З. на Ю.-В. Вершина скалы, поднятая сажень на 10 по отвѣсу надъ уровнемъ р. Великой, вѣнчается небольшою, десятины въ 3, площадкой, имѣвшей крутой, сажень 5 по откосу, спускъ къ нынѣшней базарной площади. Почти отъ Довмонтовой стѣны до церкви св. Николая „со Усохи“ въ длину и отъ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ до церкви св. Михаила Архангела на Великолуцкой улицѣ въ ширину, вся середина нынѣшняго г. Пскова представляла собою въ тѣ отдаленныя времена глубокую впадину, наполненную водой. Берега этого внутренняго озера, примыкавшіе, какъ я уже сказалъ, къ нынѣшней церкви св. Михаила Архангела, постепенно вышались, начиная отъ р. Великой, къ р. Псковъ, гдѣ представляли собою высокую, нагорную мѣстность, спускавшуюся множествомъ глубокихъ и пологихъ овраговъ къ берегу этой рѣки. Противуположный

берегъ озера, шедшій вдоль р. Великой, представлялъ собою острую косу, омываемую, съ одной стороны, водами внутренняго озера, а съ другой р. Великою. Повидимому, юго-восточная оконечность этой косы находилась у нынѣшняго Плоскаго всхода, гдѣ внутреннее озеро имѣло сообщеніе съ р. Великой. Все остальное пространство нынѣшняго г. Пскова и его юго-восточныхъ окрестностей, не занятое ручьями и озерами, начиная уже отъ такъ называемыхъ „крестовъ“, представляло собою покатую къ центру города мѣстность, покрытую невылазными торфяными болотами, а ближе къ берегамъ рр. Псковы и Великой сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ, сохранявшимся здѣсь еще во времена св. Ольги, въ X вѣкѣ. Эти сплошные лѣса въ тѣ времена покрывали собою всю мѣстность къ сѣверо-востоку отъ р. Великой¹⁾, тогда какъ лѣвый берегъ этой рѣки уже въ XIV вѣкѣ назывался „Залѣсье“ или Залѣшье, вѣроятно въ отличіе отъ Полѣсья, расположеннаго на правомъ берегу той же рѣки. Вотъ какою можно представить себѣ топографію мѣстности Пскова въ VIII и IX вѣкахъ. Чтобы не быть голословнымъ, я позволю себѣ изложить тѣ основанія, которыми я руководствовался при упомянутомъ выше описаніи доисторическаго Пскова.

Судя по случайнымъ раскопкамъ, произведеннымъ въ 1896 году во время постройки дома купцомъ Лапотниковымъ на углу Садовой и Великолуцкой улицъ, между церквями св. Николая „со Усохи“ и св. Василия по горѣ, и особенно судя по раскопкѣ въ 1897 году на Великолуцкой же улицѣ всего двороваго мѣста, купленнаго Псковскимъ коммерческимъ банкомъ у Титовой, нужно думать, что вся мѣстность, прилегающая къ Великолуцкой улицѣ, начиная отъ Васильевской горки до Довмонтовой стѣны, представляла собою дно упомянутой выше котловины, покрытое нынѣ значительною, искусственною толщею насыпной земли. Псковскій комерческій банкъ, желая на всемъ купленномъ имъ мѣстѣ построить домъ съ углубленнымъ подвальнымъ этажемъ, могущимъ замѣнить отсутствіе двора, былъ принужденъ сдѣлать выемку земли въ 25 саж. длины, 12 саж. ширины и 7¹/₂ аршинъ глубины. Эта значительная раскопка обнаружила послѣдовательные слои деревянныхъ помостовъ, фундаментъ древней церкви и основаніе плитяной стѣны въ 4 аршина толщиною. Стѣны ямы, особенно прилегающія къ Великолуцкой улицѣ, были прорѣзаны прокладками бревенъ съ наложенными на нихъ досками, представлявшими остатки отъ старыхъ деревянныхъ мостовыхъ; притомъ самый нижній помостъ былъ обнару-

¹⁾ Погодинъ. Псковская лѣтопись, стр. 46, прим. 1.

жень на семиаршинной глубинѣ. При углубленіи въ почву еще на 1 аршинъ ниже послѣдняго помоста, подъ нимъ оказалась материковая плита, составляющая общее основаніе г. Пскова. Упомянутый нижній помость, состоящій изъ толстыхъ, колотыхъ, сосновыхъ досокъ, постланныхъ на 12-вершковаго діаметра полубревенчатые лежни, оказался лучше другихъ сохранившимся: верхняя настилка его, хотя и достаточно повреждена ѣздою, но, тѣмъ не менѣе, какъ она, такъ въ особенности лежни, пропитанные смолой, сохранились настолько, что съ большимъ сопротивленіемъ поддавались топорамъ рабочихъ, принужденныхъ извлекать ихъ по частямъ на мѣстѣ выемки. Сохраненный мною кусокъ дерева отъ лежня, удержавшій до вынутія изъ земли свой желтый цвѣтъ и крѣпость, вызвалъ удивленіе присутствовавшего при перерубаніи лежней г. Кебера; но еще большаго удивленія заслуживаетъ то обстоятельство, что помосты, выше лежащіе, почти совсѣмъ истлѣли и легко поддавались не только топорамъ, но просто заступамъ землекоповъ. Эти верхніе слои помостовъ были расположены слѣдующимъ образомъ: второй снизу помость находился въ разстояніи 1 арш. отъ нижняго, а въ 1¹/₂ аршинахъ отъ послѣдняго былъ положенъ верхній помость, засыпанный 4¹/₂-аршиннымъ слоемъ земли.

Извѣстно, что городъ Псковъ издревле жилъ своимъ рынкомъ, привлекавшимъ къ себѣ варяжскихъ купцовъ; для нихъ онъ сначала служилъ погостомъ при слѣдованіи къ Новгороду съ заморскими товарами; впослѣдствіи же сталъ самостоятельнымъ торговымъ пунктомъ, имѣвшимъ свой нѣмецкій гостинный дворъ на Завеличьи, куда товары доставлялись Ливонскимъ орденомъ, завоевавшимъ Балтійское побережье. Весьма понятно, что ради успѣха торговли Псковъ и его посадники обрацали особое вниманіе на устройство своего торговища, какъ на главную и, пожалуй, единственную статью дохода, дававшую средства къ жизни обывателямъ этой бѣдной, болотистой мѣстности. Лѣтопись говоритъ, что въ 1308 году, по мысли посадника Бориса, псковичи помостили свое торговище и „бысть всѣмъ людемъ добро“. Это торговище въ концѣ XIII вѣка занимало площадь, начиная отъ Довмонтовой до второй, по счету лѣтописи, городской стѣны, построенной тѣмъ же посадникомъ Борисомъ изъ плиты въ 1309 году¹⁾. Считаю нужнымъ прибавить, что стѣна 1309 года смѣнивалась историками съ такъ называемой средней стѣной, третьей по счету; такъ Костомаровъ, описывая Псковъ, говоритъ, что „въ 1309 году загородныя

1) Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства, т. II, гл. II, стр. 12.

поселенія за предѣлами Крома сдѣлались городомъ. Борисъ посадникъ сдѣлалъ плитяную стѣну отъ Великой рѣки до Псковы рѣки. За предѣлами этой стѣны расселился на востокъ посадъ, называемый Полоницемъ¹. Между тѣмъ, Полонищемъ, какъ извѣстно, называлась та часть города Пскова, которая примыкала къ Сысоевымъ воротамъ средней стѣны, третьей по счету, построенной въ 1375 году, т.-е. спустя почти 70 лѣтъ послѣ стѣны 1309 года, но во всякомъ случаѣ, не при посадникѣ Борисѣ. Это смѣшиваніе стѣнъ можно объяснить себѣ тѣмъ, что средняя стѣна, 1309 года, уже въ началѣ XIV вѣка была разрушена по случаю увеличенія числа обывателей въ посадѣ, поэтому ни по плану 1694 г., ни по плану 1581 г. она не показана. Между тѣмъ, лѣтопись говоритъ опредѣленно, что стѣна эта шла отъ церкви Петра и Павла къ Великой рѣкѣ. Отъ этой стѣны на поверхности земли уцѣлѣла лишь та часть, которая примыкала у Плоскаго вихода къ стѣнѣ по берегу р. Великой (уголь усадьбы Смурова). Затѣмъ, эта стѣна шла по Плоской улицѣ къ нынѣшнему магазину братьевъ Лоховыхъ, по близости отъ котораго находился такъ называемый Старый костеръ, съ церковью Спаса отъ Стараго костра, отданный, какъ матеріаль, на возведеніе псковской лютеранской церкви. Затѣмъ, на Сергіевской улицѣ, гдѣ нынѣ домъ купца Гермейера, находился 2-й костеръ, 1377 года, отъ котораго стѣна направлялась къ церкви Петра и Павла и заканчивалась Глухимъ костромъ. Этотъ костеръ¹), носившій по лѣтописи тоже названіе Стараго костра, въ 1433 году послужилъ матеріаломъ для постройки церкви Бориса и Глѣба, гдѣ нынѣ церковь Казанской Божіей Матери. Такимъ образомъ, въ настоящее время можно съ достовѣрностью назвать три пункта, опредѣляющіе направленіе стѣны 1309 года, а именно: начало ея у Плоскаго вихода, второй пунктъ—это открытый въ 1897 году фундаментъ стѣны на углу Великолуцкой и Плоской улицъ и третій—Казанская церковь, выстроенная на мѣстѣ церкви Бориса и Глѣба²). Затѣмъ, въ лѣтописи псковской говорится, что въ 1377 году были поставлены два костра на торгу; само собою разумѣется, что костры эти стояли не на торговой площади, такъ какъ тамъ они не имѣли бы цѣли, а у стѣны; слѣдовательно, псковскій торгъ или торговая площадь въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣковъ простиралась отъ Довмонтовой стѣны до стѣны 1309 года и въ 1308 году была помещена при посадникѣ Борисѣ, конечно, деревянною мостовой. Такъ какъ на 1 аршинъ ниже

¹) Погодинъ. Псковская лѣтопись, стр. 35; Прозоровскій, Древній Псковъ, стр. 187.

²) Погодинъ. Псковская лѣтопись, стр. 35.

послѣдняго изъ найденныхъ помостовъ былъ встрѣченъ рабочими слой материковой плиты, то нужно полагать, что мостовая, найденная на 7-аршинной глубинѣ есть не что иное, какъ помость 1308 года. Затѣмъ слѣдующій помость относится къ 1397 году, о чемъ тоже упоминается въ лѣтописи; въ какомъ году сдѣланъ самый верхній помость, указаній не имѣется. Можетъ быть, это мостовая 1418 года, о чемъ лѣтопись говорить такъ: „повелѣша мастеромъ наместити мость отъ стѣнъ Великую улицу“; это сообщеніе, по нашему мнѣнію, можно понимать такъ, что было велѣно мастерамъ наместити мость отъ Довмонтовой стѣны по Великой улицѣ. Затѣмъ о дальнѣйшихъ помостахъ на торгу лѣтописецъ не упоминаетъ, вѣроятно, потому, что съ 1510 года торговщище въ среднемъ городѣ было уничтожено и перенесено въ Большой городъ на мѣсто, занимаемое нынѣ зданіями Псковскаго кадетскаго корпуса, и площадь стала носить названіе не торговой, а „Коневоѣ“.

Среди этой площади еще на планѣ г. Пскова 1740 года былъ показанъ противъ стараго намѣстничьяго дома (нынѣ присутственные мѣста), какъ остатки упоминаемаго выше внутренняго озера, прудъ сажень 50 длины и 10 саж. ширины. Такъ какъ въ настоящее время торговая площадь находится почти на одномъ уровнѣ съ мѣстностью, на которой построена въ 1600-хъ годахъ вторично церковь св. Николая, то нужно думать, что фундаментъ старой церкви св. Николая, вѣроятно, лежитъ глубоко въ землѣ, и что искусственная насыпь на торговой площади еще толще, чѣмъ у Плоскаго всхода. Дѣйствительно, стоитъ только обратить вниманіе на стѣны Пскова, выходящія къ р. Великой, чтобы убѣдиться, какъ высока искусственная толща земли, насыпанная у этихъ стѣнъ: покоясь своимъ основаніемъ на набережной р. Великой, эти стѣны имѣютъ между Власіевскимъ и Плоскимъ всходами высоту отъ 4 до 6 саж., причемъ почти до верха засыпаны съ внутренней стороны землей, такъ что фундаменты домовъ находятся не за стѣной, а на одномъ уровнѣ съ ея вершиной.

Все вышеизложенное даетъ право заключить, что въ доисторическія времена Пскова правый берегъ р. Великой былъ сажени на четыре ниже Кремлевской площади и шель, постепенно возвышался къ лѣвому берегу р. Псковы; что въ центрѣ мѣстности, занимаемой нынѣ г. Псковомъ, было обширное озеро, доходившее отъ Довмонтовой стѣны до церкви св. Николая, которая до сего времени носить названіе „со Усохи“, т. е. съ усохшаго болота, и, наконецъ, что Плоскій всходъ былъ когда-то не только по названію, но и въ дѣйствительности плоскимъ

оврагомъ, черезъ который выливались воды внутренняго озера въ р. Великую.

Если это такъ, то, конечно, первое поселеніе Пскова нужно искать не у низменнаго болотистаго берега р. Великой, а на горномъ берегѣ р. Псковы. Я уже говорилъ, что вся мѣстность, занятая нынѣ Псковомъ, представляла собою дремучій лѣсъ. Среди этого лѣса тамъ и сямъ возвышались отдѣльные невысокіе холмы, тѣмъ не менѣе носившіе названіе „горокъ“. Какъ назывались эти горки въ доисторическія времена, свѣдѣній не сохранилось, но во времена христіанства лѣтописи называютъ слѣдующія горки: Гремячая, Романова, Незнанова, Васильевская, Мишарина, Желѣзная и т. д.

По всей вѣроятности, горки эти во времена языческія пользовались не только извѣстностью, но и обожаніемъ среди первобытнаго народа, заселявшаго эту мѣстность. Населеніе приурочивало къ нимъ, какъ это бывало обыкновенно, свои жертвенныя мѣста, или же имѣло въ нихъ свои могильники, или просто кладовыя, служившія для укрытія вещей въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Эта извѣстность надолго утвердилась за горками и въ христіанскія времена. Какъ въ Кіевѣ на мѣстѣ поклоненія Перуну была воздвигнута св. Владиміромъ Десятинная церковь, такъ и горки Пскова начали застраиваться христіанскими храмами: церковь Василія построена на горкѣ, получившей названіе Васильевской, на Гремячей — церковь Космы и Дамьяна; на Романовѣ, или, по просту, на Романихѣ — церковь Похвалы Пресвятой Богородицы; на Мишариной — Ивана Богослова; на Желѣзной — Симеона Богопріимца и т. д. Отжили старые боги, поколебалась вѣра въ ихъ могущество, свѣтъ новаго ученія разсѣялъ царившую тьму, но не уничтожилъ древнихъ преданій о священныхъ мѣстахъ. Живучая память народа перенесла въ старыя кумирни свои новыя храмы, которые начали воздвигаться на освященныхъ преданіями мѣстахъ. На склонѣ, почти у подошвы, одной изъ такихъ горокъ, а именно Романовой, были найдены упомянутыя выше старинныя серебряныя украшения. Были ли они зарыты, какъ кладъ, или заключавшій ихъ горшокъ представлялъ собою погребальную урну, рѣшить въ настоящее время невозможно, но опять-таки фактъ находки клада, состоящаго изъ вещей X вѣка, даетъ право предположить, что въ X вѣкѣ, по близости отъ горки, находилось какое-то поселеніе, жители котораго прятали близъ горки, какъ у болѣе замѣтнаго пункта, свои клады. Поселеніе это, по всей вѣроятности, принадлежало къ чудскому пле-

мени, уже весьма давно занявшему это мѣсто и не безъ борьбы уступившему его славянамъ.

Итакъ, сырая, болотистая, покрытая дремучимъ лѣсомъ, высокая по лѣвому берегу р. Псковы и низменная по правому берегу р. Великой — такова была, какъ представляется намъ, мѣстность, занимаемая нынѣ Псковомъ, въ VIII и IX вѣкахъ. Если эта суровая по климату и бѣдная по производительности страна изстари привлекала къ себѣ колонистовъ, то, во всякомъ случаѣ, не для земледѣльческаго труда, а для торговли, для пропуска богатствъ центральной и восточной Россіи черезъ свои руки за границу, въ земли варяговъ. Если въ этихъ земляхъ нуждался ктонибудь, то, безъ сомнѣнія, больше всего Новгородъ, который повидимому и производилъ постепенный захватъ р. Великой, начиная съ ея верховья.

Еще Ломоносовъ, разбирая материалы, служащіе пособіемъ къ ознакомленію съ исторіею края, указывалъ, что первые колонизаторы въ чужой землѣ оставляютъ слѣды своего пребыванія въ названіяхъ земли и воды. Если это примѣнимо къ значительнымъ территоріямъ, то въ отношеніи небольшихъ участковъ, какъ, напримѣръ, городовъ и ихъ колоній, это положеніе имѣетъ еще большее примѣненіе. Разительнымъ примѣромъ многихъ аналогій служатъ намъ города Новгородъ и Псковъ, старшій и младшій братья. Судя по названію улицъ частей города, церквей и даже по внутреннему устройству, эти два города, безспорно, представляютъ собою родныхъ братьевъ, сходныхъ какъ по наружности, такъ и по характеру. Какъ Новгородъ, городище старыхъ славянъ увѣковѣчиваетъ въ разныхъ частяхъ города имя своихъ создателей, называя ворота Славянскими, улицу Славная, часть города Славно, такъ точно и Псковъ, происходя отъ Новгорода, называетъ себя первоначально не городищемъ, а городцомъ, даетъ названіе первой улицѣ своей, проходившей по лѣвому, обитаемому берегу р. Псковы, Новгородская. Какъ Новгородъ до 1600-хъ годовъ сохраняетъ за старою частью поселенія названія городища, такъ и Псковъ именуется до половины XV вѣка старую часть города городцомъ, или „городецкимъ концомъ“. Эта аналогія обнаруживаетъ тѣсную связь между этими двумя городами. Когда же и какъ возникъ псковскій городецъ? Я позволю себѣ привести лѣтописный примѣръ постройки Вышгородка на берегахъ р. Лады (притокъ Утрои, впадающій въ р. Великую, въ нынѣшнемъ Островскомъ уѣздѣ). Въ 1476 году, говоритъ лѣтописецъ, „послаша псковичи посадника псковскаго Алексѣя Васильевича и посадника Моусея Ѳедоровича и бояръ своихъ изо всѣхъ концовъ окла-

дати города городча, у рѣчкѣ у Ладѣ, у Кокшинской волости“. Результатомъ этой посылки боярь было то, что 20 іюля 1476 года явилось на свѣтъ у городца на р. Ладѣ укрѣпленіе, которому дано имя Вышегородокъ. Этотъ примѣръ не единственный и въ древней Россіи, а особенно на сѣверныхъ ея окраинахъ. Нужно полагать, что постройка городовъ производилась не иначе, какъ по вышеописанному способу. Самое устройство городовъ было не всегда одинаково и, главнымъ образомъ, зависѣло отъ матеріальныхъ средствъ въ данный моментъ метрополіи, отъ числа жителей околицы, отъ условій мѣстности и отъ степени важности пункта въ военномъ отношеніи. При этомъ, повидимому, общимъ было лишь одно условіе — доставить жителямъ, поселившимся у городца или города, возможность, въ случаѣ вторженія непріятели, что бывало весьма нерѣдко, способъ укрыться съ своимъ домашнимъ скарбомъ и выждать въ оборонительномъ положеніи до тѣхъ поръ, покуда явятся на помощь сосѣди, къ которымъ обыкновенно посыла-лась вѣсть о нападеніи.

Судя по планамъ, снятымъ въ 1856 году покойнымъ Годовиковымъ съ нѣкоторыхъ старыхъ псковскихъ городцовъ, а также по описаніямъ псковскихъ городовъ Костомаровымъ¹⁾, они представляютъ собою большое разнообразіе въ фигурахъ; обыкновенно для постройки городцовъ выбиралась скала или холмъ, который, въ случаѣ надобности, возвышался искусственною насыпью, чтобы командовать надъ окрестной мѣстностью. Вокругъ этихъ естественныхъ защитъ съ крутыми скалами насыпался валъ, а на приступныхъ мѣстахъ вырывались рвы или ставились палисады. Такимъ образомъ, городцы, занимая небольшія холмы по незначительности внутренняго пространства, отъ 104 до 1200 квадратныхъ саж. по площади, не могли служить для поселенія жителей, которые и располагались внѣ ихъ, а представляли только временную защиту, или укрытіе для скарба отъ непріятелей. Изъ этихъ маленькихъ укрѣпленій впоследствии возникали города, т.-е. болѣе сильныя укрѣпленія, для которыхъ городцы служили донжонами, или, какъ у насъ называли ихъ, дѣтинцами и кромами.

Какъ большая часть старинныхъ сѣверныхъ городовъ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ не родовымъ началамъ, а промышленнымъ и торговымъ цѣлямъ отважныхъ купцовъ или гостей, г. Псковъ долженъ былъ пройти постепенно черезъ всѣ фазы городского устройства, на-

---

¹⁾ Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства, т. I, примѣчанія къ стр. 78, 79, 80 и 81.

чиная съ древняго погоста, острожка, городца и кончая городомъ. Первичныя названія Пскова въ псковской лѣтописи не упоминаются, но подъ 1336 годомъ лѣтописецъ, рассказывая о случившемся въ г. Псковѣ пожарѣ, говоритъ: „Тогожь лѣта бысть пожаръ въ Псковѣ отъ Воронца отъ Городца и погорѣ все Застѣнье, а Дѣтинца Богъ ублюде и Святая Троица“. Затѣмъ, подъ 1339 годомъ лѣтопись сообщаетъ о постройкѣ каменной церкви „св. Михаила и Гавріила въ Городцѣ“. Эти два сообщенія лѣтописи служатъ подтвержденіемъ тому, что Псковъ былъ первоначально городцомъ, который въ очень отдаленныя времена былъ заселенъ славянами, двинувшимися сюда съ верховьевъ Днѣпра, которые превратили этотъ пунктъ въ укрѣпленіе.

Итакъ, въ ночь съ 7-го на 8-е сентября 1336 года (а по другому списку лѣтописи, 1332 года) вспыхнулъ пожаръ въ Псковѣ; въ тѣ времена, т. е. въ первой половинѣ XIV вѣка городъ состоялъ изъ Дѣтинца, Крома и Стараго Застѣнья, заключавшагося между Довмонтовой и описанной мною выше 2-й городской стѣной, построенной въ 1309 году. Эта стѣна, обходя вокругъ древняго посада, включала въ себѣ нынѣшніе рыбные ряды и примыкала къ персямъ Дѣтинца у нынѣшнихъ Кремлевскихъ воротъ, гдѣ находился упоминаемый въ лѣтописи Драчинъ и Лубянскіе всходы, составлявшіе на сѣверо-восточной сторонѣ сообщеніе Дѣтинца съ Застѣньемъ. Пожаръ начался отъ какого-то Воронца (жителя городца?), причемъ погорѣло все Застѣнье, только „Дѣтинца Богъ ублюде и Св. Троица“. Эту послѣднюю приписку лѣтопись включаетъ недаромъ. Если бы Городецъ былъ ближе къ берегамъ Великой, то двѣ каменные стѣны, Довмонтова и Кремлевская не допустили бы распространеніе пожара въ Дѣтинець, къ псковской святынѣ; городецъ же, какъ я сказалъ, непосредственно примыкалъ тогда къ Кремлевской стѣнѣ у Драчина всхода, поэтому пожаръ городца, конечно, могъ угрожать Дѣтинцу, и если онъ не подвергся этой опасности, то только благодаря помощи Божіей.

Первый лѣтописный фактъ ясно указываетъ, что мѣстность по лѣвому берегу р. Псковы носила названіе Городца. Второй фактъ, сообщающій о постройкѣ сохранившейся донинѣ церкви св. Михаила и Гавріила въ Городцѣ, не только даетъ ясное подтвержденіе существованія городца въ Псковѣ, какъ городища въ Новгородѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ и его границы. Описанная мною выше топографія древняго Пскова указываетъ намъ, что упомянутая церковъ была выстроена на берегу бывшаго когда-то внутренняго озера, слѣ-

довательно, озеро съ одной, Кремлевская скала съ другой и р. Пскова съ третьей стороны представляли естественныя границы для городца, а четвертая, открытая сторона, обращенная къ старой Новгородской дорогѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, была защищена искусственнымъ валомъ, начинавшимся отъ церкви Петра и Павла и кончавшимся на перекресткѣ Великолуцкой и Плоской улицъ.

Въ этомъ-то городцѣ, который впослѣдствіи носилъ названіе Городецкаго конца и началась жизнь нынѣшняго Пскова, думаемъ, не во времена св. Ольги, а еще задолго до призванія варяжскихъ князей. Если было бы иначе, то, какъ объяснить себѣ тотъ фактъ, что св. Владиміръ, раздавая въ 987 году удѣлы своимъ сыновьямъ, далъ Судиславу не Изборскъ, а Псковъ? Не можетъ быть, чтобы въ какіе-нибудь 30 лѣтъ жизни основанный св. Ольгою городокъ могъ перецеголять старый Изборскъ и переманить къ себѣ на жительство князей. Псковская лѣтопись говоритъ, что во времена Судислава въ Псковѣ уже былъ порубъ, т.-е. крѣпость, и въ темницѣ этой крѣпости съ 1036 года содержался Судиславъ Псковскій по приказанію старшаго брата своего Ярослава. Затѣмъ, спустя 29 лѣтъ послѣ этого событія, т.-е. въ 1065 году, лѣтописецъ псковскій ¹⁾ передаетъ, что князь полоцкій Всеславъ, собравъ большія силы, напалъ на Псковъ „съ разными замышленіями и пороками шибавъ“, но всѣ усилія его остались тщетными и онъ долженъ былъ отступить отъ Пскова безъ всякаго успѣха. Судя по тому, что для порчи деревянныхъ стѣнъ было бы достаточно, обложивъ ихъ соломой, облить смолой и поджечь, какъ вообще поступали съ деревянными стѣнами, желая ихъ испортить, Всеславъ же употребляетъ „пороки“, т.-е. стѣнобитныя машины, — нужно думать, что такъ называемая приступная стѣна Дѣтинца была въ тѣ времена уже каменная, а не деревянная, почему ее и приходилось разбивать пороками ²⁾.

Итакъ, что не было до св. Ольги Пскова, какъ города, это еще допустительно; но несомнѣнно, что какъ славянскія племена и чудь еще задолго до призванія варяжскихъ князей „имѣли, по выраженію И. Е. Забѣлина, уже все готовое къ созданію государства“, такъ и Псковская земля встрѣтила Ольгу не „пустымъ мѣстомъ“, а торговымъ, богатымъ, многолюднымъ городцомъ, способнымъ безъ особыхъ усилій

---

¹⁾ Погодинъ. «Псковская лѣтопись». Стр. 5, прим. 2. По списку князя Оболенскаго.

²⁾ Не тѣ же ли факты привели Хилкова въ его сочиненіи «Ядро Россійской Имперіи» (стр. 47 изд. 1799 г.) къ выводу, что св. Ольга «городъ Псковъ каменный поставила»?

быть превращеннымъ въ крѣпкій городъ, столь необходимый въ этой пограничной мѣстности тогдашней Россіи.

Все вышесказанное приводитъ насъ къ заключенію, что недовѣріе, высказанное іеремонахомъ Іосифомъ къ словамъ лѣтописца: „увѣдѣхомъ, яко Псковъ бысть уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братією княжити“, по меньшей мѣрѣ преждевременно.
